

Неизвестные страницы советской истории балета

Из жизни репрессированного солиста
Большого театра

В СССР о репрессированных родственниках обычно не говорили – мало ли что. Мой отец, солист балета Анатолий Кузнецов, тоже рассказывал немного. Что дед работал характерным танцовщиком в Большом, ставил танцы в опереттах и на эстраде. Что был поклонником балетмейстера-реформатора Горского, но дружил и с его противницей, знаменитой балериной Гельцер. А умер где-то далеко от Москвы, причем давно, еще до Великой Отечественной войны, а потому так и не увидел жену своего единственного сына, поскольку папа с мамой поженились только в 1944 г.

Разбирая семейный архив уже после смерти отца, я нашла письмо, присланное дедом из Томской исправительно-трудовой колонии в конце 1938 г. В письме он жалуется бабушке на нездоровье, голод и безденежье. Вспоминает директора Большого театра Малиновскую, приписывая ей все свои беды, и просит прислать продуктовую посылку, напоминая, что в Москве у него остались должники – в частности, знаменитый режиссер московского Камерного театра Александр Таиров, в спектаклях которого он ставил пластику и танцы. Позже, от подруги бабушки я узнала, что арестовали деда вроде бы за какую-то антисоветскую газету, подброшенную ему недоброжелателями. Осудили по политической статье, но не посадили, а выслали из Москвы, запретив жить в шести главных городах СССР. Этими сведениями я и удовлетворилась.

Но неожиданное обращение ко мне коллег из кинематографической среды, которые нашли имя Кузнецова Владимира Николаевича среди репрессированных и посмертно реабилитированных актеров и режиссеров («вроде бы он еще и танцевал?»), заставило меня углубиться в семейную историю. В хранилищах ФСБ, МВД и Государственного архива Российской Федерации, куда я была допущена как прямой потомок гражданина Кузнецова, осужденного и официально реабилитированного в 1993 г., открылись удивительные подробности из жизни моего деда, роковую роль в судьбе которого сыграл нарком просвещения Анатолий Луначарский.

Жизнь дореволюционная

Владимир Николаевич Кузнецов родился в Москве, в 1879-м, в семье купца – «коммерсанта». Мой прадед Николай Егорович, торговавший в Епифани донскими лошадьми, в 1880-е подался в Москву. И преуспел: переключившись на чай, кофе и сахар, обзавелся собственным домом с редкостным в те времена телефоном и с 1893 г. числился купцом второй гильдии. Каким образом его сына занесло в балет – неизвестно. Семейная легенда туманно намекает, что в Большом театре танцевала тетка Владимира по матери, но достоверность этих сведений проверить невозможно. Как бы то ни было, сын явно унаследовал отцовскую энергию и предприимчивость.

В 1898 г., по окончании Московского Императорского училища он был зачислен в штат Большого театра на должность артиста балета с жалованьем 700 рублей в год (в семейном архиве сохранилось соответствующее Удостоверение на официальном бланке). Начало работы

юного артиста совпало с приездом в Москву петербургского балетмейстера Александра Горского. В 1899 г. тот был командирован Дирекцией Императорских театров поставить на сцене Большого «Спящую красавицу» Мариуса Петипа и так успешно справился с этой задачей (заодно повысив профессиональный уровень ленивых москвичей), что его стали регулярно засылать в отсталую Москву. В 1900-м в Большом театре он заново поставил балет «Дон Кихот», сохранив от первоисточника Петипа лишь либретто. Успех превзошел все ожидания: спектакль был настолько хорош, что – впервые в истории – московскую версию перенесли на сцену Мариинского театра.

В 1902 г. петербуржец Горский возглавил московскую труппу и влюбился в старую столицу. Был пленен кипением ее художественной жизни и особенно – режиссурой и методами Московского Художественного театра. Загоревшись идеей пересадить в балет принципы театрального реализма, он принялся внедрять на сцене Большого новую эстетику и режиссерские приемы. Программным спектаклем Горского стала «Дочь Гудулы, или Эсмеральда»: сцены парижского дна, пыток и казней в этом «драмбалете» были так натуралистичны, что у дверей Большого дежурили кареты «Скорой помощи» – у зрительниц случались обмороки. Критики требовали прекратить «эту живодерню», и после 11 представлений новаторский балет сошел со сцены. Расстроенный Горский поубавил радикализма, однако продолжал ставить новые балеты-драмы и вдохновенно обновлять старую классику.

Деятельность радикала-хореографа расколола труппу Большого на два лагеря. Против балетмейстера выступили премьеры-«классики» Екатерина Гельцер и Василий Тихомиров, поддержанные консервативными коллегами. «За» реформы выступала полная энтузиазма молодежь.

Владимир Кузнецов умудрился сохранить отличные отношения с обоими кланами, не потеряв уважения противоборствующих сторон. С Екатериной Гельцер он дружил, причем настолько тесно, что много лет спустя, уже в советское время, когда мой дед оказался в лагере, влиятельная прима одарила покровительственной дружбой и его сына Анатолия, юного артиста Большого театра.

А у Горского Владимир Кузнецов активно танцевал: судя по фотографиям и перечню ролей, балетмейстер неизменно занимал его в своих постановках. Молодцеватый Кузнецов не был «классиком», увлекался актерством, специализировался на характерных ролях – гротесковых и народных танцах, не только в оригинальных балетах Горского, но и в

В.Н. Кузнецов.
1912

классических под его редакцией: Фанатик в «Саламбо» (балет Горского на сюжет Флобера), русский мужик в «Коньке-Горбунке», шут-горбун в «Дочери Гудулы», всевозможные мазурки, венгерские, украинские. Коронной ролью Владимира Кузнецова был китаец-автомат в «Коппелии». О нем в этой роли рецензенты писали на протяжении пятнадцати лет – так поражало даже искушенных ценителей его преобразование в механическую игрушку. По семейным преданиям, предприимчивый дед умудрялся извлечь из этой успешной партии и коммерческую выгоду. С приятелями он заключал пари, что за четверть часа, которые, согласно роли, он должен просидеть неподвижно на авансцене, ни разу не моргнет. Спор Кузнецов неизменно выигрывал, поскольку весьма натуралистично рисовал на веках белки со зрачками и просто сидел с закрытыми глазами.

Женился дед поздно, за пару лет до революции, на 18-летней Анне Митрофановой, танцевавшей в опереттах. Похоже, Владимир Кузнецов был жуир – всю жизнь любил женщин, был ими любим, связывать себя браком в молодости не желал и своих шансов при случае не упускал. Косвенное подтверждение этому я нашла в юмористическом журнале «Театр в карикатурах» за 1913 г., обнаруженном в домашнем архиве. Развлекательное издание проводило «Конкурс женских ножек», публикуя присылаемые добровольными участницами фотографии их ног

В.Н. Кузнецов с актрисами Никитского театра. Слева внизу – будущая жена Анна Митрофанова

разной степени обнаженности. На соседней полосе журнал поместил фотографию моего деда с биноклем в руках и подписью: «Люблю хорошенькие ножки разглядывать!».

Наверное, балетные ножки Большого тоже не были обделены вниманием Кузнецова. Но главным его увлечением (по воспоминаниям подруги моей бабки) была Софья Федорова, любимая танцовщица Горского, исполнявшая ведущие партии во всех его балетах. Похожая на цыганку, обладавшая вулканическим темпераментом и тонкой душевной организацией, она была не слишком техничной балериной, зато актрисой исключительного дарования. Чуть ли не единственная из москвичек, Федорова участвовала в первом парижском «сезоне» Дягилева – танцевала в дивертисменте «Пир», где имела колоссальный успех. В домашнем архиве сохранились ее фотографии и дореволюционные театральные афиши, анонсирующие их совместные с Кузнецовым выступления на благотворительных концертах в пользу солдат Первой мировой, что косвенно доказывает их близость – во всяком случае, творческую. Одна из афиш таких концертов под шапкой «Табак солдату передовых позиций» (в первой части программы таировская «Сакунтала» с декорациями Павла Кузнецова и Алисой Коонен

в главной роли, во второй – дивертисмент Федоровой и Кузнецова) висит у меня на стене.

Балетные номера для этих концертов Кузнецов ставил сам – так же легко, как все, за что брался. Сочинял в любых стилях – от традиционной классики и характерных плясок до новомодного «анакреонтического» (эвфемизм эротического танца того времени). Сочинял на инструментальную музыку, а также (по тогдашней авангардной тенденции) вовсе без музыки – на стихи современных поэтов, благо со многими был знаком, а с Крученых даже дружил. Он вел балетный класс, режиссировал, ставил пластику и танцы в опереттах Никитского театра (там и познакомился со своей будущей женой – моей бабкой). Давал и частные уроки – в том числе опереточной примадонне Потопчиной. Избыток творческой энергии привел его в кино – он ставил «кинематографические картины» как режиссер и сам играл в них главные роли. Про одну из его картин под названием «Лихач Кудрявич» сохранилась подробнейшая статья. В этом фильме Кузнецов сыграл роль извозчика, ставшего любовником аристократки: из ревности лихач застрелил своего знатного соперника и отправился на каторгу. Аристократку играла балерина Большого – красавица Вера Каралли.

Нарком-доносчик: первый арест

То, что Кузнецов – жизнелюб, бонвиван, известный танцовщик, популярный балетмейстер, востребованный педагог и вполне аполитичный гражданин – оказался в лапах ЧК и закончил жизнь в томской колонии, невозможно объяснить ничем, кроме его необъяснимой бесшабашности, заставлявшей отстаивать свою позицию в рискованных ситуациях и высказывать свои взгляды посторонним, притом весьма ненадежным людям. Впрочем, возможно, то была не беспечность, а высокая самооценка, обостренное самолюбие и старорежимное чувство собственного достоинства. Лидерские качества и влияние в театральной среде делали его нежелательным для новой власти. Видимо, все это и стало основной причиной ненависти к нему самого просвещенного из наркомов новой власти – Анатолия Луначарского.

Луначарскому история приписывает заслугу в том, что Большой театр выжил. Считается, что именно он, эрудит и эстет, переписывавшийся с Дягилевым и следивший за новинками западного театра, спас русский балет от уничтожения: отстоял его перед Лениным, убежденным, что пролетариату не нужна эта «царская забава».

В.Н. Кузнецов в партии Шута. «Дочь Гудулы». Большой театр

Именно Луначарский выхлопотал паек голодным балетным артистам во времена разрухи «военного коммунизма», предотвратив массовую эмиграцию танцовщиков. И деятельно участвовал в популяризации балета, прихотив к «буржуазному» виду искусства новых зрителей. Все это так. Но чтобы сохранить «царскую игрушку», нарком должен был убедить власти в ее безобидности и полной лояльности. И ради этой высшей цели он совершал весьма неприглядные поступки, без колебаний пресекая все попытки самоуправления, которые возникали в московской балетной среде на волне революционного подъема.

В Большом театре обе революции 1917 г. приняли в основном с воодушевлением. После февраля лучшие умы труппы написали нечто вроде конституции и создали органы власти во главе с Директорией, в которой заседали избранные представители театра под предводительством Леонида Собинова. Организовали и профессиональные союзы: хора, балета, солистов оперы, оркестра, рабочих сцены, мастерских – всех «цехов» театрального предприятия. Объединенный местком возглавил Владимир Кузнецов. К тому времени он работал в Большом театре уже 20 лет, пользовался неоспоримым авторитетом, был известен всей театральной Москве своей предприимчивостью и красноречием,

однако в симпатиях к большевикам замечен не был, предпочитая полагаться на себя. В голодные годы «военного коммунизма» он умудрился найти коммерческий кабачок, убедил его хозяина превратить столовку в кабаре и обеспечил художественную программу: видные артисты драмы, оперы, балета выступали на подмостках «Подвала» за сытный обед. Себе организатор выхлопотал двойную порцию.

Такой лидер, выращенный и поддержанный самой театральной средой, наркому Луначарскому казался опасным. А потому он отверг кандидатуру Кузнецова, выбранного балетным «цехом» в Дирекцию театра. Нарком обвинил народного избранника в «организации притона», пьянстве и спаивании артистов (под «притоном» подразумевался кабачок «Подвал»). Балетный «цех» возмутился, прима Балашова призвала балетную труппу выйти всем составом из Большого театра – «в виде протеста против нарушения прав труппы» (один рукописный и два машинописных протокола заседаний балетного профсоюза в 1918–1919 годы хранятся в моем архиве). И хотя Кузнецов добровольно снял свою кандидатуру, чтобы не дразнить власти, неповиновение балетных людей привело Луначарского в негодование, став дополнительной мотивацией отдать возмутителя спокойствия в руки МЧК.

Ко всему прочему, артист вступил в открытый конфликт с директором Большого Еленой Константиновной Малиновской, старой большевичкой и ставленицей наркома. Кузнецов, мало смысливший в политике и идеологии, считал абсурдной ситуацию, при которой творческой жизнью театра руководит женщина, далекая от искусства, и горячо отстаивал разделение власти на художественную и хозяйственную. Теряющая позиции Малиновская пошла ва-банк: пожаловалась Луначарскому, что строптивый профсоюзный лидер подстрекает труппу к саботажу и сопротивлению законной власти. И нарком лично написал красноречивый донос руководителю Московской ЧК Мессингу.

Здесь и далее документы цитируются по уголовному делу Кузнецова В.Н., хранящемуся в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ). Орфография и пунктуация оригинала сохранены.

«В М.Ч.К., тов. Мессингу.

С большим трудом удастся нам поддерживать существование Большого театра. В последнее время, благодаря энергии Управления, удалось снабдить весь персонал Большого театра пайками, увеличить тарифы и т. п., но, как оказывается, в театре все время ведется самая не лояльная и демагогическая агитация, имеющая в своем корне

честолюбивое желание нескольких весьма сомнительных лиц пробраться путем выборов в Дирекцию. Об этом не может быть в настоящее время речи. Государственные театры как Москвы, так и Петрограда (т.е. бывшие Императорские) управляются сейчас единолично, потому что всякое другое управление, как я убедился за эти два года, при нынешних тяжелых условиях приводит к печальным результатам.

Управляющая Государственными театрами Москвы товарищ Малиновская вместе со всем Художественным Советом этого театра доводит до моего сведения, что главным агитатором является нынешний председатель Местного Комитета Владимир Николаевич Кузнецов, который допустил целый ряд явно преступных действий. Так, по получении пайков, выхлопотать которые было крайне трудно, *Кузнецов в качестве председателя начал агитацию против раздачи их, утверждая, что можно добиться увеличения их; затем перед открытием театра он, который по обязанности своей должен быть проводником дисциплины в труппе, при многочисленных свидетелях заявил, что в случае неудовлетворения различных требований труппы, всегда можно пойти путем стачки, сорвать спектакли и закрыть театр* [подчеркнуто Луначарским].

При личном свидании моем с Кузнецовым для меня с совершенной определенностью выяснилось, что человек этот старается проложить себе путь к высшим постам в театре и что он не остановится в своей вредной агитации, если не будет самым суровым образом устранен. В виду такой преступной деятельности Кузнецова я прошу М.Ч.К. немедленно подвергнуть его аресту, что уже само по себе вызовет значительное успокоение в взбаламученный им персонал, и, разобрав дело, дать ему соответствующее заключение.

Народный комиссар по Просвещению
Луначарский (собственная подпись)».

Обвиняя профсоюзного лидера в попытке сорвать сезон 1920/1921, нарком откровенно лгал. Клевета оказалась слишком очевидной, поскольку опровергнуть ее была готова вся труппа Большого, ведь незадолго до ареста на общем собрании всех «цехов» театра именно Кузнецов призывал открыть очередной сезон, не дожидаясь утверждения «ставок» – твердых тарифов оплаты труда. Суть дела состояла в том, что при военном коммунизме – эпохе тотального дефицита и чудовищной девальвации рубля – заработную плату выдавали «пайком», то есть продуктами и дровами. Выдавали их нерегулярно, количество и состав

В.Н. Кузнецов в партии
Фанатика. «Саламбо».
Большой театр

«пайков» были непредсказуемы, так что регулярная и фиксированная оплата труда («ставки») было основным требованием театральных профсоюзов.

Исполняя просьбу наркома, сотрудники «чрезвычайки» нагрянули глубокой ночью в квартиру Кузнецова на Рождественском бульваре, где он жил с женой и двухгодовалым сыном. Учинили обыск, ничего предосудительного не нашли, арестовали артиста и увезли в тюрьму.

И тут произошел казус, которого в последующие годы случиться уже не могло: следователь Московской ЧК оказался справедливее и гуманнее наркома просвещения. Получив от обвиняемого письменные объяснения, он признал их вполне убедительными.

Кузнецов, в частности, писал:

«Мне было предъявлено обвинение, что я призывал к стачке работников театра для срыва спектакля. Утверждаю, что это ложь. Весь коллектив работников Большого Государственного театра <...> может подтвердить, что я призывал к работе, считал, что мы <...> должны открыть сезон, несмотря на то, что условия службы нам неизвестны.

И довел до сведения работников Большого театра, что паек частично уже получен, а ставки, выработанные Тарификационной Рабочей Коллегией, по моему глубокому убеждению, будут на днях утверждены. Мне удалось своим выступлением успокоить работников театра и спектакль, несмотря на многие неурядицы, состоялся.

Группа актеров в кабаре. В центре В.Н. Кузнецов с женой. Крайний справа сидит А.Н. Вертинский

В заявлении Е.К. Малиновской я усматриваю личные со мной счёты. Е.К. Малиновская, очевидно, не может забыть мне то, что я высказал свою точку зрения, что она, как не специалистка, не должна заведовать художественной стороной дела в Большом театре. Художественная сторона должна быть в руках авторитетных художников, а Малиновская, Луначарским назначенная, могла бы заведовать хозяйственной административной частью.

На общем собрании коллектива Большого театра было решено <...> хлопотать о проведении этого плана в жизнь. Собрание было 18-го, а дня через два предполагалось приступить к выработке этого плана. С моим арестом эта работа, которая должна была улучшить художественную деятельность Большого театра и которая крайне нежелательна Е.К. Малиновской, теперь без меня, как инициатора, приостановлена.

Подтверждение моих слов Вы можете найти у коллектива Государственного Большого театра».

И коллектив подтвердил. В первый же день после ареста в МЧК полетели письма от всех «цехов» Большого с подписями двух сотен человек. За Кузнецова вступился и Всероссийский профсоюзный комитет работников искусств (РАБИС), и отдельные влиятельные управленцы.

В результате, продержав артиста три дня за решеткой, чекисты отпустили его на все четыре стороны – то есть обратно в театр.

Просвещенный нарком пришел в ярость. Председателя московской ЧК он распекал, как мальчишку:

«Секретно.

В М.Ч.К. т. Мессингу.

Вами освобожден артист Большого театра, председатель Месткома, т. Кузнецов, которого я просил Вас арестовать. Не протестуя против его освобождения, если Вы находите это необходимым, я вместе с тем указываю Вам на следующее обстоятельство. Вся дирекция Большого театра, товарищи Малиновская, Лосский, Кубацкий, Рябцев и Исаев категорически подают в отставку в том случае, если этот заведомый демагог останется в Большом театре.

Само собой разумеется, я могу удалить его моим личным распоряжением, причем, однако, вероятно, будет еще длинная канитель с Профессиональным Союзом, в котором актерская среда держится друг за друга и всегда представляет из себя сплоченную против советской администрации массу.

Мне передают, что М.Ч.К. предполагал предложить устранить от всех занимаемых должностей Кузнецова (кроме артистической его работы) впредь до окончательного рассмотрения этого дела. В предварительном порядке это было бы удобно, между тем соответственной бумаги от М.Ч.К. мы не получаем. Если с Вашей стороны нет к тому каких-либо серьезных препятствий, то я просил бы соответственное предложение от М.Ч.К. сделать, в случае его неполучения вынужден буду просто устранить под своею ответственностью Кузнецова, как элемент явно демагогический, что при нынешних условиях в театре является безусловно пагубным.

Нарком по Просвещению

Луначарский (личная подпись)».

Смутьяна Кузнецова, конечно, от всех выборных должностей тут же «освободили». А в конце сезона и вовсе уволили из труппы Большого театра, благо и возраст подошел: в 1921 г. опальному артисту исполнилось 42 года.

Второй арест и ссылка

Поразительно, что первый арест и увольнение из Большого театра Владимира Кузнецова совсем не напугали. Он не уехал из Москвы,

не притих, а продолжил свою кипучую деятельность: работал в четырех местах одновременно, не упуская и разовых контрактов. По-прежнему преподавал, сочинял танцы для драматических спектаклей, ставил оперетты, модные эстрадные номера под мелодекламацию и даже балеты, тоже модные – «драматические». От всех его опусов в газетах сохранилось название и беглое описание лишь одного: это были «Козлоногие», невинная эротика в старинном анакреонтическом жанре.

Не менее бурно развивалась и личная жизнь Владимира Кузнецова: с моей бабушкой он развелся, женившись на совсем молоденькой артистке балета Большого, 20-летней Валентине Рудницкой. А поскольку с жильем в Москве всегда было плохо, то новую жену дед привел в свою квартиру, где жила и его первая супруга Анна с сыном Анатолием.

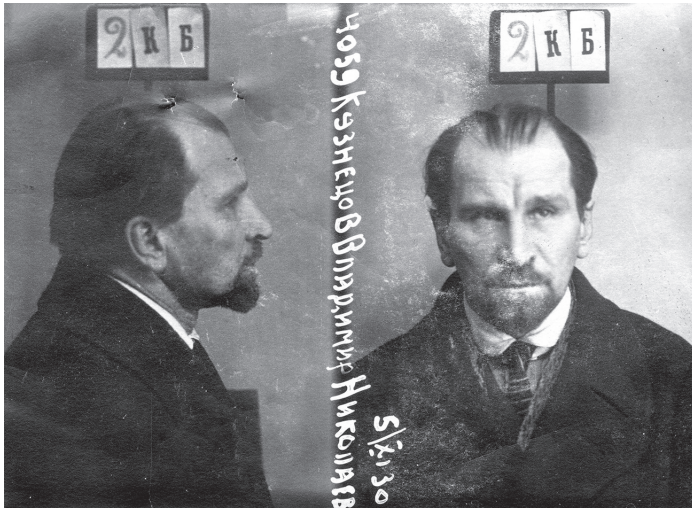
Похоже, «квартирный вопрос» вместе с непростительным дедовским легкомыслием и привел в 1925 г. ко второму его аресту, материалы которого сохранились в архиве ФСБ.

Арестовывали Кузнецова опять ночью по тому же домашнему адресу, с теми же соседями-понятыми. На сей раз по доносу некоего гражданина Ирина, обвинившего деда в антиправительственной агитации, распространении нелегальной литературы, антисемитизме и монархизме (при обыске у деда нашли маленький портрет Николая II с супругой Александрой Федоровной).

На сей раз обошлось без клеветы. В том, что он принес домой кадетскую газету «Руль», которая издавалась за границей, и что давал ее читать гражданину Ирину «без всякой задней мысли», дед признался на первом же допросе, собственной рукой написав объяснение следующего содержания:

«За все время существования Советской власти я никакой связи с заграницей не имею. С артистом эстрады Ириным Александром я познакомился приблизительно в 1922 г. Лично ко мне Ирин ни разу не приходил, но бывал у моей бывшей жены Митрофановой. Возможно, что в один из визитов Ирина я предлагал ему заграничную газету “Руль”, но предлагал, не подозревая, что она является газетой нелегальной и запрещенной к распространению в СССР. Наверное, ее дал мне кто-нибудь из знакомых артистов. Точно припомнить, кто именно, я сейчас не могу».

Любой, привыкший читать между строк, поймет из этого текста, что, во-первых, артист Ирин ходил к бывшей жене Кузнецова не просто чайку попить. А во-вторых, этому Ирину явно хотелось убрать бывшего

Из дела арестованного В.Н. Кузнецова. 1930

мужа куда-нибудь подальше, чтобы в квартире стало попросторнее. Тогда можно было бы подумать и о женитьбе.

В этой истории поражает беспрецедентная доверчивость Кузнецова, предлагавшего «вражескую» газету предполагаемому любовнику своей первой жены и высказывавшего ему свои крамольные мысли по щекотливым вопросам. Фигурирующие в материалах дела свои реплики («у власти стоят одни хамы», «жиды отправили на тот свет Ленина») последственный опровергал довольно неубедительно. Например, заявлял, что под «властью» имел в виду театральное начальство, а про Ленина ничего такого не говорил, лишь критиковал режиссуру его похорон: «Надо, чтобы похороны были выдающимися по своей простоте и этим бы произвели сильное впечатление. Я говорил, что не нужно никаких венков, которые напоминают похороны старого времени».

При этом на допросах дед принципиально выгораживал доносчика Ирина, заявляя, что тот «отнесся к газете отрицательно и взять ее отказался». И никак не желал назвать человека, передавшего ему газету. Кузнецов заявил, что фамилии своего артиста-ученика не знает и предоставил следователю крайне расплывчатый словесный портрет разносчика крамольной литературы: «Блондин, причесан на прямой пробор, одет в серый френч и серые брюки навывпуск». То есть стоило

этому таинственному человеку причесаться по-другому и переодеться, как он становился неузнаваем.

В относительно вегетарианском 1925-м все обошлось сравнительно благополучно. Продержав деда в тюрьме два месяца и не выудив ничего более существенного, следователи сочли его «активным врагом Советской власти» и отдали под суд. Похоже, у Кузнецова нашлись могущественные покровители: приговор оказался мягким – признать виновным и подвергнуть «административной высылке» сроком на два года, что означало лишение права проживания в шести крупнейших городах СССР.

Кузнецову было позволено самому выбрать место ссылки. Он выбрал Нижний Новгород, старинный купеческий город на Волге, поступил там под надзор местного ОГПУ, стал работать в местной самодеятельности. Надо было пересидеть два года тихо, не будоража власти. Но Кузнецов томился в провинции: забрасывал надзирающее начальство жалостливыми письмами, умолял позволить ему выезжать в Москву, ссылался на расшатанное здоровье, на малолетнего сына, на отсутствие работы по профессии, на нехватку нот, реквизита и прочее и прочее.

Конечно, ему отказали. В личном деле деда фигурирует убийственная резолюция, с которой в сталинской стране уцелеть было, казалось, невозможно: «Арестовывался МЧК в 1920 г. за призыв к забастовке артистов Большого театра. По своим политическим убеждениям Кузнецов монархист и ярый антисемит. Вел злостную антисоветскую агитацию и распространял белогвардейскую газету “Руль”. При допросе отказался назвать лицо, от которого получил эту газету. В разрешении свободного проживания гр-ну Кузнецову отказать, так как, проживая в Нижнем Новгороде, Кузнецов монархических своих убеждений не изменил».

Смерть по неустановленным причинам

Однако и тут обошлось. Возможно, при содействии неизвестных московских покровителей. Во всяком случае, некий доктор медицины Кассель написал врачебное заключение, что ссыльный «страдает невращением в резко выраженной форме и крайне нуждается в водолечении. Для назначения ему соответствующего курса рекомендовано обращаться в Московский институт физических методов лечения». И в 1929-м Кузнецов вновь появляется в Москве.

Ненадолго: последовал арест в 1930-м сразу по нескольким доносам – «за антисоветскую агитацию среди артистов и совслужащих». Времена менялись – закрывались студии, театрики, всевозможные курсы. Постоянной работы не было, Кузнецов хандрил, страдал от безденежья и, регулярно заходя в Центрорабис, пугал всех встречных и поперечных грядущими голодом и нищетой, рассказывая, что «скоро коммунисты начнут отбирать имущество у всех служащих и жителей городов. Деревню они уже обобрали». Коллегам-артистам он доказывал, что «работников искусства превратили в рабов социализма. Мы должны петь и играть то, что нам противно... нам приходится веселить каких-то хамов».

За длинный язык Кузнецова вновь арестовали, допросили, судили. Приговор и тут был щадящим: «Выслать в Западно-Сибирский край сроком на три года». И ведь не обманули: через три года выпустили на «вольное поселение», естественно – вдали от столиц.

В последний раз Кузнецова взяли в Новосибирске в 1937-м: в местном клубе транспортников он объяснял своим подопечным – участникам балетного кружка, что настоящая культура умерла вместе с царизмом, остались частушки и балалайки да разучивание хором революционных песен. Что следует немедленно рассказать о бедственном положении в СССР всему миру, поскольку советская власть вводит Запад в заблуждение своей пропагандой. Поразительно: на крамольного педагога, в котором впору было заподозрить провокатора, из полусотни участников самодеятельности настучали всего четверо.

Арестовывала Кузнецова железнодорожная милиция, и на сей раз ссылкой не обошлось: в 1938-м дело 69-летнего артиста поступило в Военный трибунал Томской железнодорожной прокуратуры. Бунтовщик был осужден по статье 58/10 на восемь лет и отправлен в Томский исправительно-трудовой лагерь. Там год спустя Кузнецов и умер. «Причина смерти и место захоронения неизвестны» – написано в официальной бумаге из томского архива МВД. Немудрено: в те годы умирало столько народу, что за каждым не уследишь. Так закончил свои дни Владимир Николаевич Кузнецов, танцовщик, балетмейстер, педагог, режиссер, актер, чью богатую событиями жизнь большевистская революция разрешила на две половины, превратив вторую из них в сюрреалистический ад.